

АРТУР ЛЕО ЗАГАТ

ARTHUR LEO ZAGAT

ПЬЕМ ДО ДНА

DRINK WE DEEP

Артур Лео Загат

Пъем до дна

«СОЮЗ»

1937

Загат А.

Пьем до дна / А. Загат — «СОЮЗ», 1937

ISBN 978-5-6050126-8-9

В глубокой чаше между Гейдельбергскими холмами раскинулось озеро Ванука. У него нет ни притока, ни истока, и его глубину никогда не измеряли. Геологи говорят, что, когда растаял Великий Ледник, его воды заполнили здесь невероятно глубокую впадину. Это было пятьдесят тысяч лет назад. Под спокойной гладью озера скрывается другой мир, населенный маленькими людьми. Эти люди живут вечно и не знают, что такое болезни и смерть. Раньше они единолично владели Землей и теперь хотят вернуть ее себе обратно. Археолог Хью Ламберт оказывается втянут в безмятежные глубины озера и узнает о зловещем плане покорения Верхнего мира.

ISBN 978-5-6050126-8-9

© Загат А., 1937

© СОЮЗ, 1937

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Глава I	21
Глава II	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Артур Лео Загат

Пьем до дна

DRINK WE DEEP By Arthur Leo Zagat
© перевод с английского А. Грузберг
© ИП Воробьев В.А.
© ООО ИД «СОЮЗ»
WWW.SOYUZ.RU

Предисловие

Обстоятельства, природу которых я не могу обсуждать, недавно освободили меня от обещания хранить в тайне следующие любопытные документы до смерти некоторых лиц, которые будут названы по ходу дела.

Тем не менее я с большими колебаниями предаю их гласности, будучи уверен, что в правдивости, а может, и в здравом рассудке их авторов появятся сомнения. Помня об этом, я постарался подтвердить рассказы, насколько это возможно, показаниями незаинтересованных свидетелей, которые излагаю ниже.

К несчастью, большая часть отчета Хью Ламберта не может быть подтверждена таким образом, и в его случае я могу рассчитывать только на его репутацию известного палеонтолога и археолога и на мое собственное заявление, что я полностью и абсолютно верю в правдивость его заявлений.

А.Л.З.

Пролог

I

Извлечение из дневника Энн Доринг, киноактрисы, 15 августа 1934 года

На самом деле сегодня шестнадцатое, но у меня впервые появилась возможность сделать запись в дневнике. Хотя потребуется несколько часов, чтобы все записать, я намерена это сделать, потому не хочу забыть ничего из происшедшего.

Ну и день был вчера!

Начался он достаточно спокойно, когда я одна поехала из Нью-Йорка, чтобы навестить Дика в лагере Ванука высоко в Гейдельбергских горах. А кончился тем, что я сидела в комнате ожидания в больнице где-то на окраине Олбани, грызла ногти и думала, переживет ли человек, которого я люблю, эту ночь.

Человек, которого я люблю. Мне еще кажется странным писать это. Еще вчера Хью Ламберт был для меня только именем, и при этом не очень важным. К полуночи я знала, что, если он умрет, жизнь для меня больше не будет иметь смысла.

Виноват в этом прежде всего Дик. Мой младший брат не удовлетворился тем, что я заплатила тысячу долларов за его пребывание в самом роскошном лагере для мальчиков на Востоке; он настаивал на том, чтобы я приехала и он мог мной похвастать. И этот сорванец знал, как меня заставить. Со второго или третьего письма он начал бредить о директоре лагеря. У этого Хью Ламберта все было выдающимся. Внешность. Сила. Характер. Он не только в 26 году был объявлен лучшим американским полузащитником, но после окончания Дартмута [*Дартмутский университет – один из старейших и самых известных колледжей США; входит в так называемую «лигу плюща».* – Прим. пер.] исследовал половину белых пятен на карте мира. Этим летом он организовал лагерь только для того, чтобы собрать средства для еще одной экспедиции в Камбоджу, Патагонию или другое такое же место.

Дик писал, что каждый уикенд в лагерь приезжают самые известные дебютантки года, но Ламберт их как будто не замечает, хотя именно он был причиной неожиданного оживления их сестринских чувств.

Представьте себе, как забавляло это современных молодых людей. Они не просто сплетничали об этом. Когда Дик узнал, что я в перерыве между съемками прилечу в Нью-Йорк, он телеграфировал мне, что проигрывает пари: он поспорил, что Ламберт до конца лета сдастся, и сейчас почти уже проиграл. Он умолял меня приехать и спасти его от необходимости всю зиму ходить в лохмотьях.

Вы только послушайте.

Я добралась до лагеря перед ужином. Дик загорел, как лесная ягода, и вырос, он стал выше меня на полголовы. Не думаю, чтобы я узнала его, если бы он не полетел ко мне с криком команчей.

После того как семейные приветствия кончились, этот молодой псих не дал мне даже времени привести в порядок лицо и потащил в столовую, где во главе стола его образец для подражания ожидал, когда мальчики рассядутся.

Клянусь, Хью Ламберт так и не узнал, когда мальчики заняли места. Он бросил на меня один взгляд и погиб. Я не считаю это комплиментом. И не из-за рекламы брата.

Этот парень понимал женщин, или я ничего не понимаю в мужчинах. У него не зря ямочка на подбородке и медленная неотразимая улыбка вокруг серых глаз. Я сразу поняла,

что он не увлекается девушками из общества, потому что они проигрывают рядом с другими женщинами в его жизни, экзотическими, по ту сторону нигде.

Я сама была как в тумане, что для меня новое. Лучшие парни Голливуда гонялись за мной, ничуть не повышая мое давление, но Хью Ламберт – это нечто совершенно другое.

Он большой. Я имею в виду не физически, хотя он большой и физически, широкоплечий, с узкой талией; кожа – бронзовый чехол для сильных мышц. Но в нем размер жизни под открытым небом, и глубокая, глубокая сила, которая возникает при схватке с дикой природой и победе над ней.

И над свирепыми дикими людьми. На подбородке и костлявых щеках белый шрам. Дик говорил мне, что это след ассагая.

* * *

Что ж, мы сразу были Энн и Хью, как будто знаем друг друга вечно, но то, что мы говорили, не имеет значения, потому что за столом были не одни: глава школьного совета Эд Хард, еще несколько человек, имена которых я не уловила, курносая лагерная медсестра Эдит Хорн.

После ужина Хью извинился и ушел. Дик хотел, чтобы я с ним пошла на какое-то развлечение в зале, но я заставила его отнести мои вещи в гостевую комнату. Он болтал, пока я не прогнала его, чтобы умыться и переодеться в синий вязаный спортивный костюм, который Скиапарелли [*Эльза Мария Луиза Скиапарелли (1890–1973) – парижский модельер и дизайнер, глава крупного модного дома. – Прим. пер.*] прислала мне на «Нормандии». Понимаете, у меня было свидание; после того как мальчиков отправят спать, я должна была встретиться с Хью у озера.

Он пришел туда раньше меня. Горнист подал сигнал, и все вокруг стихло. Не все. У наших ног плескалась вода, на легком ветре шелестели деревья, почти ритмично трещал миллион цикад, но все было приглушенно, и сонно, и слегка печально.

Озеро Ванука лежит в глубокой чаше между холмами, они отрезают нас от всего мира, и, хотя Олбани всего в часе езды, цивилизация казалась такой же далекой, как звезды, мягко мерцающие в небе.

Луна большим золотым полушарием висела, как в гамаке, над горной вершиной. Серебристая пленка накрыла воду, и вода стала жидкой музыкой, волшебной ставшей видимой, и вся эта ностальгическая красота была только для нас. Больше в мире никого не было.

Когда Хью наконец заговорил, его голос звучал низко и чуть хрипло.

– Они ждали нас с начала Времени. Старые Горы и древнее озеро!

– Старые Горы. Гейдельбергские. – Какой-то извращенный озорной чертенок заставил меня говорить небрежно. – Почему голландцы их так называли?

– Потому что они старые, самые старые горы в Америке, после Лаурентид.

– А озеро?

– Оно почти такое же древнее. У него нет ни притока, ни истока, и его глубину никогда не измеряли. Геологи говорят, что, когда растаял Великий Ледник, его воды заполнили здесь невероятно глубокую впадину. Это было пятьдесят тысяч лет назад.

– Пятьдесят тысяч лет, – повторила я, чувствую себя ничтожной по сравнению со своим шестьюдесятью или семьюдесятью годами, которые могу ожидать.

– Озеро Ванука долго ждало, чтобы мы вместе пришли на его берег. – Хью обнял меня рукой за талию. – Пятьсот столетий, дорогая Энн.

Быстро он работает, подумала я. Слишком быстро. Соит нажать на тормоза.

– А кто здесь жил до того, как лед растаял? – со смехом спросила я. – Эскимосы?

– Никто не жил, – ответил он. – Люди здесь появились только после Ледяного века. [*Слова мистера Ламберта соответствуют данным, опубликованным в Бюллетене 33 Смитсоnian-*

ского института. Однако в книге Дж. Деникена «Человеческие расы» упоминаются эолитические и палеолитические находки, восходящие к концу плейстоцена. – Прим. издателя]

И тут эхо моего смеха пронеслось над мерцающим озером. Возможно, это было эхо, но у меня появилась странное ощущение, что засмеялись горы.

Хью, должно быть, заметил пробежавшую по мне легкую дрожь, потому что он крепче прижал меня к себе и очень нежно спросил:

– Замерзла, Энн?

– Больше нет, – смогла я сказать, сердце дико билось о ребра. – Нет...

Тело его рядом со мной неожиданно застыло, и я поняла, что он меня не слушает. Он смотрел на озеро, его лоб был наморщен.

– Что... – сказала я. – Что случилось?

– Оно снова здесь. – Хью не отвечал мне, он думал вслух. – Странно. Чертовски странно.

Я последовала за направлением его глаз. Примерно в ста ярдах от берега озера на воде появился диск, более яркий; больше всего это походило на луч прожектора откуда-то из глубины. И в этом светящемся круге вода была необыкновенно гладкая, блестящая, как шелк, натянутый на пальцы для вышивания.

– Странно, – прошептала я, не понимая, почему шепчу. – Никогда раньше такого не видела.

В этот момент появилось странное черное пятнышко, не в сияющем круге, а рядом с ним. С того места, где оно появилось (оно почти сразу исчезло), что-то метнулось к берегу, что-то невидимое и заметное только по треугольнику, расходящемуся от него по воде.

Хью глотнул.

Я пошептала:

– Что издает этот свет?

– Не знаю, – медленно сказал он. Встряхнулся и посмотрел на меня, и его нежная улыбка в углах глаз снова согрела меня, согрела всю.

– А какая разница, что это? Мы вместе...

В лесу за нами треснула ветка. Хью повернулся и посмотрел в тень, где лунный свет был отрезан густой листвой. Я очень испугалась. А потом не испугалась, а разъярилась. Я услышала мальчишеский смех и шепот, быстро стихший.

– Там кто-то из проклятых мальчишек, – проворчал Хью. – Я им задам...

– О, какая разница? – Я удержала его рукой – он собирался броситься в заросли. – Пусть забавляются. Пойдем, мы поедем в моей машине.

Я должна была его остановить. Не хотела, чтобы он поймал Дика, хотя завтра брат получит от меня.

Конечно, это Дик – я узнала смех, и, вероятно, парень, с которым он поспорил. Эти веселые нахалы шпионили за нами, чтобы решить, кто выиграл.

– Хорошо, – согласился с моим предложением Хью. – Пошли.

Мы взялись за руки и побежали по склону холма вверх на площадку, на которой расположены здания лагеря.

* * *

Когда мы подходили к воротам, где я оставила свою машину, я задала вопрос, ответ на который меня удивил.

– Почему рыба, вынырнувшая на поверхность и поплывшая к берегу, удивила тебя, Хью?

– Она не должна была удивить, – ответил Хью. – Только в озере Ванука рыбы нет.

Хью настоял на том, что поведет машину. Я села рядом с ним, и мы поехали. Небольшая поляна вокруг лагеря была ярко освещена луной, но, когда мы проехали ее и дорога углубилась в лес, нас окутала темнота.

Я услышала, как Хью шарит рукой по приборной панели. Раздался шелчок. Но фары не зажглись.

– О! – воскликнула я. – Вчера вечером сгорели обе лампы. Я хотела купить новые на пути сюда, но забыла. Теперь мы не можем ехать.

Я едва не плакала от расстройства.

Он, должно быть, заметил это, потому что сказал:

– Сможем. Я так хорошо знаю эту дорогу, что могу проехать по ней вслепую, а когда выедем на шоссе, найдем лампы.

Дорога была такая узкая, что вершины деревьев соединялись над ней, и подлесок с обеих сторон царапал машину. Обогнув отрог холма, дорога начала круто спускаться. Я видела, что Хью ведет уверенно, и даже обрадовалась темноте. Она возвращала ощущение, что мы с ним одни и во всем свете больше никого нет.

Немного погодя дорога стала более ровной. Хью поехал быстрее. Впереди я видела бледно освещенное бетонное шоссе. Шоссе быстро приближалось – и его закрыла темная фигура человека, который появился из кустов прямо перед машиной.

Слева от нас глубокая канава, справа телеграфный столб. Хью закричал. Правой руки он прижал меня вниз к сидению, а левой вертел руль. Страшный грохот, звон разбитого стекла, крик. У меня хватило времени подумать: «Мы ударились о столб, но мы сбили и человека». Но тут машина наклонилась, и я вылетела.

Ошеломленная, я оттолкнулась от земли руками и встала. Хью неподвижно лежал на дороге. Я в лунном свете отчетливо увидела его ногу. Вокруг нее образовался темный бассейн, и в этот бассейн впадал ручеек – кровь из ноги, где ее разрезал осколок ветрового стекла!

[Примечание издателя. Работая с этим текстом, я не позволял себе никаких вольностей, но постарался сделать его связным и ведущимся в хронологическом порядке. Следуя этой политике, я, опуская остальную часть рассказа мисс Доринг и переходжу к следующему письму. А.Л.З.]

II

Письмо Джетро Паркера, фермера

Дорогой мистер Загат,

Я только что вернулся домой с собрания грейнджеров [Грейнджеры – организация фермеров в США, борющаяся за их права. – Прим. пер.], и Марта рассказала мне, что вы были у нас и она обещала, что я напишу о том, что произошло в ночь на 15 августа два года назад. Я бы скорее вспахал пятьдесят акров, но Марта не позволяет мне отослать десять долларов, которые вы оставили мне за работу, так что приходится писать.

В тот вечер у нас была сестра Норн из лагеря Ванука, она пришла массировать ноги Марты из-за ревматизма, и мы как раз ужинали на кухне, когда на дороге раздался грохот. Мы с мисс Норн вышли из дома и через мое кукурузное поле побежали туда, откуда доносился грохот.

Мы пришли на то место, где дорога на лагерь соединяется с шоссе, и я увидел лежащую на боку машину, ударившуюся о телеграфный стол, который здесь стоит. Я услышал стон и увидел девушку на земле.

Она стояла на коленях и обеими руками держала ногу мужчины. Кровь струилась у нее между пальцами, как будто она держит поврежденную водопроводную трубу. Я до

сих пор не могу понять, как у нее хватило духа это делать, особенно потому что она была потрясена и, может быть, сама ранена.

Мисс Норн встала на колени рядом с девушкой, и первое, что я увидел, она оторвала полосу от своего халата и перевязывала мужчине ногу.

Я помог девушке встать и понял, что она как будто не ранена. Платье у нее было порвано и окровавлено, но более красивой женщины я не видел.

– Приведите машину, – сказала она. – Быстрой. Мы должны отвезти их в больницу. Я больше никого не видел.

– Их? – удивленно переспросил я.

Она показала дальше в темноту. Я разглядел то, что показалось мне грудой тряпья. Но грудa чуть приподнялась, и я увидел, что это бродяга. Если бы его рука чуть не двигалась, я бы подумал, что он мертв: все остальное в нем было совершенно неподвижно.

– Быстрой, Джетро, – сказала сестра Норн.

Я побежал через кукурузное поле назад к амбару, завел свою старую колымагу и поехал на перекресток. Когда я туда вернулся, девушка помогала мужчине с поврежденной ногой сесть, и я увидел, что это мистер Ламберт из лагеря Ванука. Мисс Норн занималась бродягой. Я не видел, что она делает, потому что из-за деревьев вдоль шоссе было очень темно.

Ну, так вот, сэр, втроем мы поместили обоих раненых в мою машину на заднее сидение. Сестра Норн села с ними, а девушка рядом со мной, и я поехал по дороге. Я слышал, как мистер Ламберт спросил: «Куда мы едем?». Мисс Норн ответила: «В больницу Олбани».

Мистер Ламберт сказал:

– Если вы меня туда отвезете, они будут держать меня неделями, а мне нужно назад в лагерь. Как насчет доктора Стоуна? Вы работали с ним. Он не может принять меня в своем доме?

– Наверно, может, – ответила сестра Норн. – У него есть необходимое оборудование, и это гораздо ближе. Джетро, это большой белый дом на Нью Скотланд Роуд у самого въезда в город.

– Знаю, – сказал я. – Я отвезил туда своего соседа Илайджу Фентона на перевязку, прежде чем он утонул в озере Ванука прошлой зимой.

– Пожалуйста, быстрее, – сказала девушка рядом с ним. – Пожалуйста. Он не должен умереть.

Я уже чувствовал себя, как пьяница; посмотрев на нее, я увидел, что у нее губы бледные и дрожат. Я побоялся, что у нее начнется истерика, поэтому стал говорить с ней, чтобы она успокоилась.

– Илайджа утонул, – сказал я, – когда проломился лед и два десятка из Церкви Четырех Углов, катавшихся на коньках в лунную ночь, ушли в воду. Там так глубоко, что мы не нашли тела, но всякий раз как я вижу Джереми Фентона, меня бросает в холод. Джереми близнец Илайджи, и они похожи, как две горошины из одного стручка. Когда он пришел на службу памяти, три женщины упали в обморок...

– Перестаньте! – закричала она. – Прекратите это!

Ну, не странны ли все женщины? Я никогда не мог их понять.

Мистер Загат, Марта читала это через мое плечо и говорит, что это все, что вы хотели знать, поэтому я останавливаюсь. Надеюсь, вы удовлетворены.

Искренне ваши Джетро Паркер.

P.S. С того вечера меня кое-что беспокоит, но не знаю, как об этом написать. Когда в следующий раз побываете здесь, пожалуйста, загляните ко мне, и я расскажу. Заходите на обед и попробуйте, какие вареники с курицей готовит Марта.

Паркер.

III

Отчет Кортни Стоуна, доктора медицины, главного врача больницы в Олбани

15 августа 1934 года примерно в девять часов вчера я был в своем кабинете, слишком уставший, чтобы лечь спать. В этот день я сделал в больнице девять операций, включая удаление церебральной карциномы, чем я слегка гордился; еще я присутствовал на объединенной консультации медицинского персонала и хирургов, которая, тянувшись, казалась бесконечно.

Два дня назад ко мне привезли пациента в коме из района Гельденберга. Обычные тесты не выявили никаких болезненных отклонений, не было никакой травмы, которая объясняла бы его состояние, и симптомы не соответствовали никакой болезни. Строго говоря, никаких симптомов вообще не было, кроме ступора и еле заметного, очень медленного ослабления жизненных функций; однако если этот процесс не остановить, он неизбежно закончится смертью.

Хотя хирургическое вмешательство ни в коем случае не было показано, загадка этого случая интриговала меня, и я как раз размышлял над ней, когда мои размышления были прерваны резким звуком дверного звонка. Я немного подождал, пока миссис Смолл, моя экономка, откроет, потом вспомнил, что я отпустил ее на вечер, и неохотно встал с кресла.

Нервный, истерический звук звонка подсказал мне, что поздний посетитель нуждается в моей медицинской помощи. В своей практике я уже давно дошел до момента, когда ночные звонки вызывают лишь раздражение, и я собирался с резким отпором отправить посетителя к молодому Адамсу ниже по дороге.

Однако изменил свое намерение, когда, открывая дверь одной рукой, а другой включая свет, увидел лицо Хью Ламберта, бледное и в грязи. Он, очевидно, был в плохом состоянии и упал бы, если бы его не поддерживала с одной стороны сестра Эдит Норн, которую я рекомендовал для работы в лагере, а с другой – еще одна женщина, которую я видел смутно.

Звонила она.

– У нас был несчастный случай», – сказала она. – Хью тяжело ранен.

– Разрезана артерия, доктор Стоун, – вмешалась Эдит. – На левой ноге. Он потерял много крови.

– Отведите его в мою операционную, и я сразу примусь за работу. Я рад, что вы привезли его ко мне, а не в больницу.

Это я сказал искренне. Энтони Вагнер, миллионер и владелец Вануки, главный финансовый спонсор больницы, так что именно мне поручено медицинское обслуживание лагеря. Я часто там бывал. Несмотря на разницу в возрасте, я подружился с Хью и не хотел, чтобы с ним работал полу испечённый интерн.

– Позвольте помочь вам.

– Я... могу... идти... сам», – произнес Хью сквозь сжатые зубы. – Помогите... другому...

– Все в порядке, – услышался голос с протяжным носовым акцентом с порога. – Я притащил его сюда, могу еще немного потащить.

Остальные уже миновали меня, и в двери появился нескладный худой мужчина в рабочем комбинезоне; он нес темное тело со свисающими руками. Я понял, что у меня есть еще один пациент.

– Входите. Дорогу вы знаете.

Я узнал Джетро Паркера, фермера, который прошлой зимой раз или два сопровождал сюда своего друга. Он хмыкнул в знак согласия, и я повернулся, чтобы через коридор пройти в заднюю часть дома.

– Положите Хью на стол для осмотра», – сказал я Эдит.

Сестра локтем нажала выключатель у двери операционной, и яркий белый свет в помещении со стенами из белой плитки осветил медленно движущееся трио. Нога Хью подогнулась. Я увидел, что в последнее мгновение он потерял сознание, и подскочил, чтобы помочь женщинам.

Паркер за мной ахнул, но я не обратил на это внимание, только через плечо велел ему уложить второго пациента на кожаный диван поблизости. Брюки на левой ноге Ламберта пропитаны кровью. Ткань разрезана, и в ноге под ней глубокая рана. Бедренная артерия разрезана на длину в два дюйма так аккуратно, словно скальпелем.

Разрезанный сосуд должен буквально фонтанировать кровью, но кровь еле просачивается. Я поискал объяснение и увидел под одеждой повязку из некогда белой ткани, наложенную поверх икроножной мышцы примитивным турникетом, так искусно сделанным, что я понял: это работа Эдит.

– Он будет в порядке, доктор? – спросила вторая девушка за мной. – Он не умрет?

– Конечно, нет, – грубовато и коротко ответил я: я по опыту знал, что такое обращение быстрее успокаивает нервничающих родственников и друзей, чем самые вежливые манеры. – Такого быка, как он, не убить царapiной. – На самом деле я совсем не был так уверен, как могло показаться. Его бледность говорила мне, что Хью потерял очень много крови. – Пройдите в комнату ожидания и устраивайтесь поудобней, пока мы заботимся о нем.

Я проверил пульс Хью. Он слабый и слишком частый.

– Мистер Паркер, – продолжал я, – вы бывали здесь раньше. Пожалуйста, покажите леди. – Шепотом Эдит я сказал: – Прежде всего нужно стерилизовать и зашить артерию. Приготовьте все необходимое, пока я осмотрю второго. Вы ведь знаете, где все?

– Да, доктор, – четко ответила она; она бледней, чем полагается сестре с таким опытом и с таким тяжелым пациентом, как Ламберт. – Я помню.

* * *

Она ушла, а я распрямылся, чтобы осмотреть второго пациента. Рядом с ним был Паркер. Он сидел в кресле, закрыв лицо руками.

– Что же вы, – укорил я его. – Вы должны выдерживать вид небольшой крови.

Он взглянул на меня; его обветренное лицо под щетиной было зеленоватым.

– Дело не в этом. – Его зрачки были расширены, а в шепоте слышался страх. – Дело не в крови. – Он с видимым усилием глотнул. – Если... док... Может человек ожить, пробыв полгода под водой? Может, изменился?

– Вздор, – фыркнул я. – Откуда у вас такие мысли?

Он медленно, неохотно повернул голову к фигуре на диване.

– Выйдя на свет, я увидел его лицо и... – Словно вздох облегчения оборвал его фразу. – Нет, – продолжил он, – наверно, я ошибся. Это просто бродяга. Просто все это возбуждение...

– Вы правы, – сухо сказал я. – Послушайте. Вон там на нижней полке третья бутылка – виски. Налейте себе. Это лучшее лекарство от вашей болезни.

У меня нет времени на причуды суеверного деревенщины.

– Можно мне тоже немного? – спросил звонкий печальный голос. – Думаю, мне это тоже поможет.

– Конечно. – Я впервые по-настоящему увидел эту девушку. Растрепанная, в мятом платье, но на нее стоило посмотреть.

Рослая, но несет этот рост изящно, и в каждой линии ее тела поющий ритм. Яркое освещение в моей операционной обычно пагубно сказывается на женских чарах, но сейчас он только подчеркивал жемчужный блеск ее кожи, грациозные черты лица. Я неожиданно захотел не быть невысоким и полным, пожалел, что в моей вандейковской бородке седые волосы.

– Вы тоже попали в этот случай? Вы ранены?

– Только немного потрясена. – Она коротко улыбнулась. – И еще синяки. Но ничего такого, что оторвало бы вас об бедного Хью.

– Не будьте как уверены, Энн Доринг. – Я сразу узнал ее. – Потом я вас осмотрю. А пока, если хотите привести себя в порядок, наверх по этой лестнице – там найдете все необходимое.

– Спасибо, я воспользуюсь вашей добротой. Но сначала хочу выпить.

– Я вам налью, мисс», – сказал Паркер с другой стороны комнаты. – Выпью свою порцию и поеду. Марта волнуется, что со мной стало.

Мисс Доринг выпила и вслед за ним вышла из комнаты. Я повернулся, чтобы посмотреть на бродягу.

– Я уже разрезала его пальто и рубашку», – сказала Эдит Норн, когда я подошел. – Чтобы это вас не задерживало. – Компетентная молодая леди. Я не знал лучшей сестры. Мне очень не хотелось посылать ее к озеру, но она заслужила отпуск за трудную зиму, к тому же работа как раз для нее. Только бизнес, и никакой женской чепухи. – Его одежда вся мокрая, она заплесневела и прогнила.

– Сломаны третье и четвертое ребра, – поставил я диагноз, отворачиваясь от дивана. – Кажется, они пробили легкие.

Я нахмурился. Этого не может быть. Если бы это было правдой, парень был бы уже мертв или дергался в агонии. Он не смотрел бы на меня так странно отчужденно; глаза черные бесстрастные, как линзы фотоаппарата.

Торс отчетливо серо-белый; этот цвет ассоциируется с мертвым телом, и помимо углубления в районе ребер, на котором я основал свой предварительный диагноз, в нем есть что-то гротескное. Это слово мелодраматичное, но оно соответствует уродливым искажениям тела.

Возможно, я более четко выражу впечатление от его внешности, если скажу, что похоже ребенка слепил из шпаклевки трехмерную карикатуру на человеческое тело.

Тело его под моими исследующими руками липкое и влажное, напоминает мне давние студенческие годы, когда я впервые препарировал труп. Я был прав, кости под кожей вырваны из соединений, они свободно перемещаются. Стоицизм этого человека удивителен. Под давлением моих рук он должен был бы кричать, но он не произнес ни звука. Я посмотрел на его лицо, думая, не потерял ли он сознание.

Я знал это лицо. Вернее, знал человека, чье лицо было неумело скопировано.

Картотека в моей голове тут же представила данные.

ИМЯ: Илайджа Фентон.

ДИАГНОЗ: Фиброзная опухоль с правой стороны шеи.

ЛЕЧЕНИЕ: Удаление опухоли.

РЕЗУЛЬТАТЫ: Успешные.

ПОСТОПЕРАЦИОННОЕ ЛЕЧЕНИЕ: Ежедневные перевязки, прекратившиеся, потому что пациент утонул 12.11.33.

Я коротко рассмеялся. Неужели я легковерен, как Джетро Паркер, и позволю так на меня подействовать случайному сходству? Это не может быть Фентон. Фентон погиб прошлой зимой в трагедии, от которой содрогнулся весь Олбани.

Холодок побежал у меня по спине. От ключицы до правой стороны нижней челюсти проходит залеченный шрам от разреза моего скальпеля!

IV

Продолжение отчета доктора Кортни Стоуна

Признаюсь, что на короткое время был выбит из научного восприятия мира, и почти поверил, что передо мной привидение, вернувшееся к жизни после девяти месяцев смерти. Потом я увидел, что то, что я принял за шрам, на самом деле бороздка на шее у бродяги. Продолжая приведенное выше сравнение, неопытный скульптор не только изваял подобие Фентона, но попытался изобразить вместе с остальным и результат операции.

Конечно, это совпадение, простое и случайное. Если бы исследователи так называемых психических феноменов помнили, как часто случаются такие совпадения, они бы не делали из себя дураков.

Тем не менее я был благодарен за то, что вмешалась мисс Норн.

– Мистер Ламберт крепко спит, и я готова. Хотите первым заняться им?

– Наверно, так лучше. Он не может выдержать новую потерю крови. – Когда я повернулся, она ждала меня с халатом для операции и стерильными перчатками. – Сможете без моей помощи сделать рентгеновский снимок груди этого парня? – Артериальные зажимы, стерильные губки, иглы для шитья нитями из кишок – все выложено на невысоком инструментальном столике рядом со столом для осмотра. – Хочу посмотреть, что у него внутри, прежде чем что-нибудь делать.

– Конечно, – без малейших колебаний ответила она. – Я использую портативный аппарат и все сделаю к тому моменту, как вы покончите с мистером Ламбертом.

Стенка артерии перерезана чисто, ткань плотная, разрез не расширяется.

Хью Ламберт всегда держал себя в хорошей форме, и теперь это приносило свои плоды. Зашивая рану, я слышал за собой гудение портативного рентгеновского аппарата, шелканье затвора, и, когда я кончил, сестра Норн была рядом, протягивая нужные бинты и ленту.

– Пластинка в ванной для появления, доктор», – сказала она. – Вы будете делать мистеру Ламберту укол от столбняка?

Я снова проверил пульс Хью. Он был опасно слаб.

– Нет. Он может не перенести шок от укола. Он кажется очень слабым. Сделайте анализ крови. Да, и у бродяги тоже, раз вы этим занимаетесь. Пойду в темную комнату и посмотрю рентгенограмму.

Я достал снимок из ванны, промыл его, прикрепил к стеклу специальной рамки для просмотра и включил свет за снимком.

Очертания торса были отчетливо видны. Я разглядел костную структуру, пробитую реберную клетку и колонну позвоночника, следы мышечной и кровеносной систем. Но и все. Где теневые очертания внутренних органов: сердце, легкие, мешок поддерживающей их мембраны, их не было, только темное аморфное пятно.

Если верить этому снимку, мой пациент – только мешок из кожи, поддерживаемый скелетом и набитый чем-то вроде густого желе. Но, конечно, снимок лжет. Надо сделать другой.

Секунду спустя я вышел, и меня ослепило яркое освещение операционной. Потом я увидел выходящую из лаборатории Эдит Норн. Губы ее были бесцветными.

– Доктор Стоун, счет Хью ... мистера Ламберта – меньше двух миллионов.

– Фью! – свистнул я. – Это плохо. Я просмотрю список профессиональных доноров, а вы пока определите группу крови.

– Я уже сделала это. И... кровь не соответствует ни одной из групп. Ее сыворотка склеивает кровяные тельца четвертой группы, но этого не делает стандартная сыворотка других групп.

– Должно быть, вы ошиблись. Если вы правы, Ламберт – единственный человек с такой группой крови.

– Не единственный», – сказала она. Меня встревожила дрожь в ее голосе. Атмосфера лагеря, должно быть, отрицательно сказалась на ее профессиональной бесстрастности. – Второй образец, взятый у бродяги, ведет себя точно так же. Я сопоставила оба образца крови – они совпадают.

– Вот и ваш ответ», – сказал я. – Вы дважды допустили одну и ту же ошибку. Сейчас я сам проверю.

Но когда я повторил простую процедуру в лаборатории, я убедился, что она не ошиблась. Только ученый поймет, какое возбуждение я испытал, сравнивая четыре пробирки с образцами, подтверждавшими ее результат. Я уже мысленно писал статью для «Журнала Медицинской ассоциации.»

Но тут я понял, что результат моих испытаний означает буквально смертный приговор для моего друга. Он единственный, насколько известно науке, обладатель такой группы крови, и это становится петлей на его шее. Если в течение получаса ему не сделать переливание крови, его не спасти. А найти для него донора невозможно.

Но такой донор есть. По какому-то жуткому совпадению, по безумной случайной удаче этот донор – бродяга. Я не знал, насколько серьезно он ранен, но я не сомневался, что отнятие у него жизненных сил может резко уменьшить его шансы на выздоровление.

Нет. Это исключено. Принципы медицинской этики запрещают взятие его крови. И все законы тоже. Если он умрет в результате операции, я стану убийцей.

Когда я вернулся в операционную, Эдит встала от неподвижно лежащего Ламберта.

– Очень плох, – прошептала она. Лицо у нее осунулось, Веснушки на переносице ее курносого носа ярко выделялись на фоне бледной кожи. Глаза, вопросительно устремленные на меня, были больше не золотисто-каштановыми, но темными от отчаяния. Она сейчас была далека от идеала сестры, для которой борьба с болезнью и смертью – вопрос лишенной эмоций рутины.

– Вы были правы», – сказал я ей. – Найти донора с такой же кровью, как у Хью Ламберта, невозможно.

Она медленно сжала руками край стола. И сказала без выражения:

– Бродяга.

Я покачал головой.

– Нет. Я не имею права выбирать между ними.

– Права!

Уголки ее рта дернулись в улыбке, более горькой, чем слезы.

– Разве вы имеете право поступать по-другому? Посмотрите на них.

Мой взгляд перешел от Ламберта, с его сильными конечностями, сильным подбородком, на развалину на диване.

– Подумайте, что они могут дать миру. И скажите, что вы не имеете права сделать выбор.

Этот мокрый каркас, подумал я, бесполезен для себя самого и для человечества. А другой уже внес огромный вклад в науку с границ цивилизации. И достигнет еще большего – если будет жить.

Я снова посмотрел на нее и прочел в ее взгляде вызов: будь человеком, а не научной машиной.

– Медицинская комиссия, – слабо попытался я оттянуть решение. – Закон. Если бродяга умрет...

– Если он умрет, только мы двое будем знать почему.

Я принял решение. Не в словах, а в почти невольном знаке согласия. Только впоследствии я подумал, а почему сам бродяга не сказал ни слова, но, когда я об этом подумал, у меня было кое-что гораздо более удивительное, о чем можно подумать.

* * *

Эдит Норн не дала мне времени на то, чтобы передумать. За меньшее время, чем нужно на то, чтобы это описать, она оставила между столом и диваном аппарат Унгера для переливания крови, выложила антисептические средства, кровоостанавливающие зажимы и лигатуры, протянула мне скальпель и ждала, когда я начну.

И я начал, да поможет мне бог!

Не буду вдаваться в подробности. Медики знают процедуру, а другим она не интересна. Достаточно сказать, что я соединил артерию бродяги с веной Хью Ламберта, и кровь из одного начала переливаться в другого.

Я видел, как порозовели щеки Ламберта. Эдит наблюдала за ним с внимательностью, исключавшей все остальное. Я повернулся, чтобы проверить состояние бродяги.

У меня отвисла челюсть. Мои руки, которыми я управлял вентилями, задрожали. Лед охватил мое тело, напряг его.

Бродяга сокращался! На глазах и с поразительной скоростью он становился все меньше! Каждая его часть уменьшалась в пропорциях, как будто это кино, в котором съемка происходит с очень большой скоростью. Как будто он проколотый воздушный шар, из которого быстро выходит газ. Он стал размером с ребенка, потом с куклу и почти сразу с браслет, который женщины носят на руках... и исчез! Трубка, прикрепленная к его руке, повисла в воздухе.

Стол, на котором он лежал, был пуст. Абсолютно, невозможно пуст!

Клянусь Гиппократом, чей я скромный последователь: я видел, как прямо передо мной человек съеживается и исчезает, не оставляя никакого следа. Как будто он никогда не существовал.

Показания Эдит Хорн, медицинской сестры

Штат Нью-Йорк,

Округ Олбани,

Город Олбани.

Эдит Хорн, приведенная к присяге, показала следующее:

Я прочла отчет доктора Кортни Стоуна о событиях, происходивших в его доме от полуночи до утра 16 августа 1934 года, и на основании того, что слышала и видела сама, могу утверждать, что это правда.

Я сама не видела исчезновение человека, которого мы называли бродягой. Все мое внимание было сосредоточено на наблюдении за состоянием пациента, Хью Ламберта, которому переливали кровь этого бродяги, но я подтверждаю, что этот бродяга находился на операционном столе, и, когда после сдавленного возгласа доктора Стоуна я посмотрела, бродяги больше не было ни здесь, ни вообще в комнате. Я подтверждаю, что находилась в таком положении, что даже если бы бродяга был в состоянии передвигаться, он не мог пройти в коридор, не отодвинув меня в сторону, а второй выход из этого помещения только в кабинет доктора Стоуна, который был закрыт.

У меня нет сомнений в том, что бродяга действительно исчез так, как это описал доктор Стоун.

Как свидетель, я подписываю эти показания 5-го декабря я 1934 года.

Подписано: Эдит Норн, медицинская сестра.

[Примечание издателя. Чтобы сберечь время, во всех последующих показаниях опущены засвидетельствования жюри или нотариусом места и времени показаний. Однако оригиналы

находятся в моем офисе и могут быть представлены любому сертифицированному представителю научного сообщества. А.Л.З.]

Продолжение отчета доктора Кортни Стоуна

Должно быть, я автоматически закрыл клапаны аппарата для переливания, потому что, когда после возгласа сестры Норн посмотрел на них, они были закрыты.

Сестра Норн удивленно спросила:

– Где бродяга? Что с ним стало?

Я не ответил. Что я мог сказать, даже если бы попытался это сделать? Я проверил, надежно ли зашита вена Хью. Сестра Норн помогала мне.

К тому времени как эта операция была закончена, я почти вернулся к норме.

– Должно быть, сумел каким-то образом сойти со стола, пока я занимался аппаратом», – сказал я. – Он должен быть где-то поблизости. Мы поищем.

Мы искали в лаборатории и в темной комнате икс-лучей. Даже в моем кабинете, хотя дверь в него была заперта. Бродяга не мог туда попасть, но невозможно и то, что я видел. Мы его не нашли.

Наконец Эдит повернулась ко мне. Лицо ее было непроницаемо. Она сказала:

– Что ж, это решает нашу проблему, не так ли?

– А как же Джетро Паркер и мисс Доринг? Их спросят о бродяге.

– Это легко. Он был ранен не так тяжело, как казалось, отказался от лечения и ушел. Отказался даже назвать свое имя, и нет никакой возможности найти его. И то же самое скажет Хью Ламберт. Мы даже не скажем ему о переливании. Стекло разрезало ему не только ногу, но и руку, и в возбуждении он ничего не заметил.

Все было в пользу ее предложения и ничего против. Мы вернулись в операционную, и я осмотрел Хью.

– Он быстро приходит в себя. Приготовим постель для него у меня в кабинете, и через десять дней с должным уходом он будет как новенький.

– Можете быть уверены, что я это обеспечу. Я...

– Нет, Эдит. Вам надо вернуться в лагерь. Там полсотни мальчишек, за которыми нужен глаз, и я послал вас туда, потому что не мог доверить никакой другой из наших сестер. Попрошу регистратуру послать кого-нибудь к Хью.

– В этом нет необходимости, доктор. – В помещение вошла мисс Доринг. – Я проходила по коридору, – объяснила она, – и не могла не услышать вас. Я останусь здесь и позабочусь о Хью.

– Очень похвально, моя дорогая, – ответил я на ее предложение. – Я уверен, что вы хотите что-нибудь для него сделать. Конечно, особая подготовка не требуется, но перевязка раны требует мужества от того, кто не привык к виду крови. Вы можете потерять сознание, как раз, когда будете мне нужны.

– Этого можете не опасаться, доктор», – сказала Эдит. – Если бы видели, как мисс Доринг держала ногу Хью, чтобы зажать артерию. Она его спасла. А ведь она сама не была уверена, что не ранена, настолько тяжело, что это может покончить с ее карьерой.

– Я ничего особенного для него не сделала. Его спас ваш турникет. Я...

– Минутку, вы обе», – сказал я. – Перестаньте бросать друг другу букеты и давайте решим это дело. На основании слов мисс Норн я готов принять вас как практикующую сестру, но не слишком ли вы импульсивны? Кажется, я где-то читал, что вы должны немедленно возвращаться в Голливуд, чтобы начать новую картину.

– К дьяволу картину! – Несмотря на ее серьезность, в глазах мисс Доринг мелькнул озорной огонек. – Пусть Рэтскофф хоть немного поволнуется из-за меня.

Так кончилось наше обсуждение. Я не стал спрашивать миссис Смит, что она подумала, когда, вернувшись, обнаружила, что ей предстоит стать компаньонкой знаменитой кинозвезды,

но признаюсь, что стал уходить домой с работы на полчаса раньше обычного. Моя холостяцкая жизнь приобрела новый поворот.

Но продолжалось это недолго. Хью быстро поправлялся и на третий день после этих событий настоял на своем возвращении в лагерь, чтобы окончательно выздороветь там. Энн Доринг уехала с ним.

V

Различные телеграммы из архива нью-йоркского офиса корпорации «Уорлд Пикчурз»

ГОЛЛИВУД, КАЛ, 17.8.34.

ДЖЕННИНГСУ

**ГОТОВ СНИМ АТЬ «ЖЕЛАНИЕ СЕРДЦА» НО НЕТ ДОРИНГ ТОЧКА
ОТПРАВЬТЕ ЕЕ ПЕРВЫМ ЖЕ САМОЛЕТОМ НА ЗАПАД ТОЧКА НИКОГДА
РАНЬШЕ ОНА ТАКОГО НЕ ДЕЛАЛА ТОЧКА МОЖЕТ ОНА НА НАС СЕРДИТСЯ
РЭТСКОФФ**

* * *

НЬЮ-ЙОРК Н.Й. 17.8.34.

РЭТСКОФФУ

УОРЛДПИК ГОЛЛИВУД КАЛ

**ДОРИНГ ВЫЕХАЛА В СВОЕЙ МАШИНЕ ИЗ УОЛДОРФ УТРОМ ПЯТНА-
ДЦАТОГО ТОЧКА С ТЕХ ПОР НИ СЛОВА ЗАРЕЗЕРВИРОВАЛА НА НОЧЬ
НОМЕР В ТВА ТОЧКА НУЖНО ПОМЕШАТЬ ПОЯВЛЕНИЮ СООБЩЕНИЙ О ЕЕ
ИСЧЕЗНОВЕНИИ ТОЧКА СООБЩИТЬ ЛИ ПОЛИЦИИ И ПРЕССЕ**

ДЖЕНКИНС

* * *

ГОЛЛИВУД КАЛ 17.8.34.

ДЖЕННИНГСУ,

УОРЛДПИК ГОЛЛИВУД КАЛ

**ПУБЛИЧНОСТЬ ОПАСНА ТОЧКА ВСПОМНИТЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ
ОРЕТТЫ СУОН ТОЧКА РЕПОРТЕРЫ ОТЫСКАЛИ ЕЕ В КОСМО ТОЧКА ХОТИТЕ
ПОВТОРЕНИЯ ПОДОБНОГО**

РЭТСКОФФ

* * *

НЬЮ-ЙОРК Н.Й. 17.8.34.

РЭТСКОФФУ

УОРЛДПИК ГОЛЛИВУД КАЛ

ДОРИНГ НА ТАКОЕ НЕ СПОСОБНА

ДЖЕНКИНС

* * *

ГОЛЛИВУД КАЛ 17.8.34.

**ДЖЕННИНГСУ,
УОРЛДПИК ГОЛЛИВУД КАЛ
ЗНАЧИТ В НЬЮ-ЙОРКЕ ВСЕ ЕЩЕ ЕСТЬ ИЛЛЮЗИИ ТОЧКА Я БЫ НЕ
ДОВЕРЯЛ И ШИРЛИ ТЕМПЛ ТОЧКА ДОРИНГ ЗАЯВЛЕНА НА ГЛАВНУЮ РОЛЬ
В ЖЕЛАНИИ СЕРДЦА ТОЧКА ОНА МНЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО НУЖНА ТОЧКА ПРИ-
НИМАЙТЕСЬ ЗА РАБОТУ ТОЧКА НАЙМИТЕ ЧАСТНОЕ ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТ-
СТВО ТОЧКА НАЙМИТЕ ДВА ЧАСТНЫХ АГЕНТСТВА ТОЧКА НАЙДИТЕ ЕЕ
ТОЧКА НАЙДИТЕ ЕЕ ИЛИ ПОТЕРЯЕТЕ СВОЮ РАБОТУ
РЭТСКОФФ**

Глава I

Рассказ Хью Ламберта, бакалавра наук, магистра наук, члена Американского географического общества, члена королевского географического общества и т. д., и т. п.

Корт Стоун соль земли и волшебник со скальпелем, но он ужасно суетлив, когда дело связано с его пациентами. Мне пришлось затратить очень много времени, чтобы он понял, что у меня есть своя работа и несколько царапин не могут оторвать меня от нее.

Возможно, я был несправедлив к нему. Кого он лечил до сих пор? Мягких и дряблых горожан, выхолощенных бесчисленными удобствами цивилизации? Разве он может понять, как мало значит потеря кварты крови для человека, который прошел сто пятьдесят миль по африканским джунглям с рукой и боком, изорванными когтями ягуара; который, ослепший, оглушенный и доведенный до безумия лихорадкой, десять дней провел в горящей пустыне в караване туарегов, раздумывавших, не принести ли его в жертву своему божеству?

Должен признаться, что меня очень искушало желание не спорить. До сих пор я жил нелегко, вначале заканчивая Дортмунд, а потом блуждая по самым далеким и заброшенным местам земли. Я лежал, расслаблялся, за мной ухаживали, меня нежили, и это делало дом доктора маленьким кусочком неба.

И здесь был свой ангел. Энн Доринг.

Всю жизнь я что-то искал. Не руины, не ископаемые отложения, не артефакты людей, которые уже были цивилизованными, когда мои предки еще глодали мясо с костей мастодонта, но чего-то более личного, чего-то заполняющего пробел во мне, чего-то такого, что утолило бы мой неутолимый голод.

Однако я никогда не знал, что это, пока не увидел Энн Доринг, которую ее брат тащил к моему столу в столовой. Тогда я понял, что нашел. За те несколько секунд, когда Дик выпаливал представления, которых я не слышал, она сделала со мной то, чего не могла сделать никакая другая женщина в мире.

Я не могу выразить это в словах, но у меня закололо руку, когда она встретилась с ладонью Энн, и что-то возникло между нами, прямо там, в столовой.

Теперь у меня был целый день, чтобы смотреть на нее и мечтать о ней. Корт Стоун по вечерам начинал со мной мужской разговор, его подстриженная вандейковская бородка ощетицивалась, глаза блестели, когда он рассказывал о ежедневных битвах со смертью, таких же тяжелых и опасных, как мои битвы с ненасытными дикарями. Но мне было не по себе, и стены дома казались мне стенами тюрьмы.

Я, конечно, не забывал, что оставались еще две последние недели сезона, когда штат лагеря выбивается из сил, чтобы все шло как обычно, но при этом начинаются лихорадочные приготовления к окончанию. Если сейчас что-нибудь пойдет не так, мои надежды на то, что Тони Вагнер профинансирует раскопки в Пет Анкоре в Месопотамии, рухнут. А там под сотней ярдов отложений лежат доказательства некоторых моих теорий о предыстории. Но одновременно я чувствовал необходимость вернуться в лагерь Ванука, и это не имело отношения к моим обязанностям.

Как ни странно, это чувство было не так сильно, когда я бодрствовал, чем, когда, я думаю, в результате слабости погружался в дремоту, в полусон. Меня это сильно беспокоило, потому что я не мог понять причины.

Я никогда не вижу сны, но сейчас я просыпаюсь по ночам, лежу с открытыми глазами и отчаянно стараюсь вспомнить картины, которые уходят в забвение, стоит мне проснуться.

Я выдерживал это два дня. Утром в субботу я объявил Карту, что он вместе со всей полицией Олбани не смогут больше удерживать меня.

Он развел полные руки, которые заканчиваются совершенно несоответствующими тонкими пальцами хирурга, и выдал неизбежную врачебную формулу: «Хорошо, Хью. Я не могу держать вас против вашей воли, но за результаты не отвечаю». Никакие мои протесты не могли удержать Энн от того, чтобы сопровождать меня. Впрочем, протесты были не слишком энергичными.

Док, очевидно, позвонил заранее, потому что сестра Норн встретила нашу машину у ворот и сразу отправила меня в изолятор. Боже, я предпочел бы иметь дело с десятью каирскими переводчиками, как известно, самыми упрямыми на земле людьми, чем с этой рыжеволосой девушкой, имеющей совесть и объект приложения этой совести.

Покажите Эдит пациента, и сам дьявол не помешает ей заботиться о нем. Не прошло и двух часов в лагере, как она установила закон и заставила нас исполнять его. И заставила нас восхищаться ею, потому что она выполняла свою работу без шума и не просила никаких специальных привилегий, поскольку она женщина.

Да, эта девушка была отличным солдатом. Из тех, кого можно взять с собой в трудный путь и никогда не беспокоиться, что не подведет и, что еще более важно в подобных обстоятельствах, не будет флиртовать. Все это может объяснить, почему я после всех усилий, приложенных, чтобы попасть сюда, позволил ей уложить себя в постель и послушно принять успокоительное.

Это было ошибкой. Успокоительное меня усыпило, но не помешало видеть сны. Я не очень многое помню из приснившегося, но кое-то все-таки сохранилось.

Меня тянуло куда-то, меня не удовлетворяло пребывание в Вануке, заставляло что-то сделать, но что, я не мог вспомнить. Какая-то хрустальная стена, металлические стержни и рычаги – очень похоже на щит управления электростанцией. Руки, белые, стройные и определенно женские передвигали эти рычаги, но движения этих рук казались неуверенными.

Вспоминая впоследствии эти руки, я понял, что то, что я принимал за естественное, как бывает во сне, на самом деле было очень неестественным. Между пальцами у этих рук были прозрачные мембраны, расширяющиеся и сокращающиеся, как на лапках лягушек.

Я помнил еще кое-что из этих снов. Лицо, превращавшее сон в кошмар.

Оно было несколько размытое, словно я смотрел на него через окно со слегка запачканным стеклом. У меня было впечатление, что стекло – большой барьер для его зрения, чем для моего, так что оно не могло разглядеть меня, и гнев в его глазах был вызван этим.

Лицо узкое, с острыми чертами, как у ястреба, и такое же безжалостно жестокое. Яростные черные глаза, прищуренные, под веками без ресниц. Рот – разрез в смуглой жесткой коже, но что-то в форме этих губ заставило меня предположить, что за ними не зубы, а клыки. Как уже сказал, в этом лице был гнев, но была и невыразимая угроза. Глядя на это лицо, я понимал, что такое ужас, а ведь я без хвастовства могу сказать, что никогда ничего не боялся.

От этого сна я проснулся в холодном поту. Я смотрел в темноту, пока она с приходом рассвета не посерела, и, когда пришла Эдит, чтобы поверить, как я себя чувствую, я потребовал свою одежду и сказал, что я устал от обращения с собой как с избалованным больным. Должно быть, я говорил очень резко, потому что она бросила мне одежду и вышла без единого слова возражения.

Я сразу пожалел о своем поведении. Я был сердит на себя и сорвал свое недовольство на первом же подвернувшемся человеке. Конечно, таким человеком оказался я сам.

* * *

Я догнал ее по пути на завтрак, извинился и почувствовал себя лучше. В легкие вливался чистый острый запах сосен, усеянная сосновыми иглами земля пружинила под ногами, и про-

хладный утренний ветер охлаждал щеки. Вот что было мне необходимо, чтобы снова стать собой; я слишком долго был заперт в доме.

Эдит положила руку мне на рукав свитера.

– Все в порядке, Хью. Забудем об этом. Но берегите себя. Пожалуйста.

Я рассмеялся.

– Я делаю это очень давно», – сказал я, – и думаю, что могу еще немного продержаться без помощи. Перестаньте тревожиться из-за нескольких разрезов.

– Дело не в этом.

Она не смеялась со мной, как обычно.

– А в чем? Почему вы выглядите такой уставшей? Я был бы рад, если бы у вас не было темных кругов под глазами. Послушайте! – Мне пришла в голову мысль. – Надеюсь, пока я болел, у младших не было кори или коклюша? Или чего-нибудь в этом роде?

– Нет. – Она отстранилась от меня. – Вы дурачок.

И она убежала от меня по тропинке в сторону столовой.

Я мог бы пойти за ней и попытаться понять, в чем дело, но в этот момент из дома воспитателей вышел Эд Хард и в своей обычной манере стал со мной здороваться. Потом просигналили на завтрак, и я забыл об этом инциденте.

Меня взволновало то, как приветствовали меня дети, когда увидели во главе стола. Это было настоящее, без подделки, и много значило для меня. Я был строг и не раз думал, может, эти дети из богатых семей ненавидят меня за это. Их приветствия подсказали мне, что это не так.

Энн тоже это поняла. Я видел, как она посмотрела на меня глазами как звезды.

– Мальчиков не обманешь», – шепотом сказала она, когда мы сели рядом после моей короткой приветственной речи; мне пришлось проглотить комок в горле. – У меня есть брат, и я знаю.

Сразу после завтрака я впрягся в работу. Было воскресенье, и после плавания дети могли принимать родственников, которые начали прибывать после десяти, но у меня работы было много. Кроме разборки почты – у меня на столе лежала груда писем, на которые только я мог ответить, – нужно было с Эдом установить график деятельности на последние две недели, подготовиться к упаковке багажа и отправке в город, потом еще развлечения последнего воскресенья и прощальный банкет, и один бог знает, что еще.

Я требовал работы от своих помощников, но и сам работал напряженно. Конечно, меня сто раз прерывали. Благодарные папы приходили с чеками (чем больше у человека денег, тем он дольше с ними расстается) и хотели поболтать со мной. Заботливые мамы обращались с жалобами (чем довольней ребенок, тем больше у мамы оснований жаловаться), и их следовало успокаивать. Приходили совсем без причин хихикающие сестры, и их приходилось вычесывать из моих волос. Перед самым ланчем пришел Дик Доринг и отвел меня в сторону.

– Послушайте, дядя Хью, – прошептал он, – сестра не хочет, чтобы была сессия с автографами и тому подобное, поэтому она не покажется, пока не разъедутся все посетители. Так что попросите штат помалкивать о ней. Ребятам я уже сказал.

– Хорошо, – сказал я, ущипнув его за щеку. – Даю слово. – Он хорошо сложенный парень, самый высокий из младших, с чистой кожей и откровенными глазами. – Беги развлекайся.

Я предупредил всех и решил, что поем в офисе, чтобы хоть час иметь возможность поработать в мире.

* * *

С утра понедельника жизнь вернулась к норме, работу в офисе я организовал и решил, что мы с Энн можем поплавать в часы отдыха мальчиков. Я предупредил ее, чтобы она не заплывала за буйки: там достаточно места даже для самых сильных пловцов.

– Солнце достаточно нагревает воду», – сказал я ей, – здесь, в конце озера, где мелко, но дальше вода ледяная. Озеро можно переплыть, но это не забавно и очень опасно, так что мы плаваем только за буйками и держим поблизости наши каноэ.

Она нырнула без малейших брызг, и я попытался сделать то же. Мы поплыли наперегонки к большому плоту. Она плыла очень быстро, и я обогнал ее только на пять футов. Меня это слегка разозлило. Должно быть, на лице это было заметно, потому что она весело рассмеялась, ухватившись за веревки плота.

– Если бы я был здоров, – улыбнулся я, – было бы по-другому.

Смех Энн эхом отразился от горы; он стал грубее и не казался ее смехом.

Кто-то неразборчиво позвал с каноэ чуть дальше. Я оттолкнулся от плота, распрямился, повернулся, набрал воздух в легкие и нырнул, чтобы плыть под водой.

Вода показалась мне холодней, чем обычно. Плененный воздух рвал грудь. Я всегда легко преодолевал это расстояние, и мне пришла в голову мысль, что я слишком рано делаю такие усилия. Я вынырнул на поверхность, выдохнул и повернулся, чтобы посмотреть, далеко ли я от плота.

Я был очень далеко от него. Каким-то образом под водой я повернул и поплыл в глубину озера, параллельно берегу, и теперь был далеко за буйками. Неудивительно, что вода такая холодная. Надо возвращаться и побыстрее.

Я снова поплыл. Но не повернул. Я хотел повернуть. Я посылал приказы мышцам или думал, что посылаю, но продолжал плыть к дальнему берегу Вануки. Ледяная вода бурлила у моих боков, и холод глубоко проникал в меня. Я онемел, утратил все чувства. Я думал: прекрати это, поверни, плыви к берегу, но продолжал плыть вперед, даже не уменьшая скорость, хотя следовало бы с застывшими мышцами.

Холод добрался до моего мозга, и я вообще перестал думать. Я ничего не сознавал, кроме ужасного стремления, желания плыть в северный конец озера. Да. Где-то в глубине во мне оставалось зерно здравого разума, сознания, что я плыву к смерти. Но казалось, это знает кто-то другой.

Руки болели, ноги бились, тело продолжало резать воду. Быстрее, быстрее! Рука задела за что-то твердое. Я обо что-то ударился головой.

Кто-то кричал мне. Вначале я слышал только резкий звук, потом разобрал слова:

– Хью! Что вы делаете? – Это голос Эдит Норн. – Дурак! Неисправимый дурак! Вы хотите убить себя?

В голове несколько прояснилось. Я понял, что ударился о каноэ. В нем была Эдит, и это она кричала на меня. Она была в озере и направила каноэ наперерез моему самоубийственному курсу.

– Я... не знаю, – выдохнул я. – Холодно.

– Еще бы. Забирайтесь быстрее!

Я так онемел, что это было почти невозможно, но с помощью Эдит я кое-как забрался в каноэ. Она схватила весло и погнала каноэ к берегу.

У нее было разъяренное лицо, глаза сверкали.

– Вы заработали себе пневмонию, отъявленный осел! – бушевала она. – Что заставило вас так поступать?

– Я не хотел. Меня держало течение, и я не мог из него выбраться.

Я солгал. Никакого течения не было. В том, что звало меня к неизбежной смерти, не было ничего осязаемого.

Подозреваю, Эдит поняла, что я солгал. Но каноэ уткнулось в берег, и это избавило меня от дальнейшей лжи.

– Выпрыгивайте и бегите в изолятор как можете быстро, – приказала она. – Надо восстановить кровообращение.

Я выскочил и побежал. Ее голос хлестал меня, как кнутом.

– Быстрее! Бегите быстрее! – Я не мог бежать быстро, слишком замерз, а она меня подгоняла. – Быстрее!

Меня это раздражало, но я слушался. Поступать по-другому бесполезно.

Я краем глаза увидел стоящую на плоту Энн. Она поднесла руку к рту, как будто только сейчас поняла, что считала просто хвастовством. Я помахал ей, чтобы показать, что все в порядке, но Эдит не позволила мне остановиться. Я рассердился.

В изоляторе она бросила мне охапку полотенец.

– Идите в эту комнату, разденьтесь и разотритесь. Сильней. Чтобы кожа слезала. Потом ложитесь в постель.

Я сделал, как она велела. Эдит накрыла меня одеялами, заставила выпить бокал горячего виски и вышла, хлопнув дверью. Горячая выпивка подействовала, и я снова уснул без сновидений.

* * *

Проснувшись, я понял, что уже поздно. Изолятор несколько в стороне от лагеря. Из своего окна я видел только лес и между стволами деревьев северный конец озера Ванука, но по положению звезд определил, что скоро рассвет.

Лунный свет блестел на воде, серебристый, кроме странной кругло дорожки, о которой я часто думал. Я ошибся, или она действительно придвинулась к берегу? Сильно придвинулась.

Я давно собирался исследовать эту дорожку, но был слишком занят в лагере. Теперь я пожалел, что не сделал этого, потому что почему-то вдруг подумал, что именно в этом причина того странного притяжения, которое ощущал со времени возвращения от Корта Стоуна; только сегодня вечером это притяжение сильнее, чем когда-либо.

Странное дело, это смутное, неосязаемое притяжение. Трудно его описать. Похоже на шепот в «Исследователе» Киплинга. Помните?

«Что-то скрыто, но найдешь ты! Звонки бубны за горами!

Что-то скрыто за горами, что-то ждёт тебя. Иди!» [Пер. Самуила Черкеса. – Прим. пер.]

Да, очень похоже, только здесь я потерялся, и это неведомое что-то зовет меня назад.

И вместо обещания в этом призыве – ужас.

Неожиданно я перестал размышлять об этом и приподнялся на локте. В высоких тростниках на краю озера что-то двигалось по прямой, пробиралось через заросли. Потом тростники стихли. Но началось движение под деревьями, через листву которых пробивался свет луны. Движение тени.

Тени были, но не было того, что их отбрасывает. Не было даже кролика. У меня на щеке дернулась мышца.

Было что-то странное в этих движущихся тенях, что-то такое, отчего волосы на шее встали дыбом... Боже, я начинаю нервничать! Там ничего нет, ветви движутся на случайном ветерке в вершинах деревьев. Я заставил себя лечь и закрыть глаза.

И снова увидел сон. Город странных приземистых зданий, освещенных странным светом, хотя солнца в небе не было. Хрустальный столб без верха, в котором, хотя он сплошной,

вились и вздымались радужного цвета облака, так что в нем, казалось, присутствует какая-то совсем иная жизнь, лишенная смертности. И снова ужасное темное лицо, больше похожее на стервятника, чем раньше, хитрое, с какой-то хитростью рептилии.

Я увидел и другое лицо, маленькое и обаятельное, с плотными черными кудрями над ним, с бездонными серыми глазами, удивленными и испуганными. Лицо девушки, которая чего-то очень боится.

И в своем сне я знал, что девушку зовут Лиалии.

Вырезка из «Олбани Газетт» за 23 августа 1934 года

Штат городской больницы поставлен в тупик двумя случаями ранее неизвестной болезни у пациентов, поступивших на этой неделе. Первый пациент Адат Дженкс, 48 лет, из Четырех Углов, поступил 13 августа; второй, Джоб Грант, 52 лет, фермер, живущий в пяти милях северной озера Ванука, – во вторник 21 августа.

Оба случая напоминают летаргический энцефалит, сонную болезнь; оба пациента с момента поступления постоянно без сознания, но бактерии этой болезни в их мозговой жидкости не обнаружены. Силы обоих убывают, и Дженкс на пороге смерти.

Доктор Кортни Стоун из штата больницы заявил, что достигнут прогресс в диагностировании болезни и что нет поводов для тревоги, потому что не найдено никаких указаний на то, что болезнь, от которой страдают пациенты, заразная. Однако он сказал, что жителям района Гейдельбергских гор в качестве предосторожности следует кипятить питьевую воду.

Продолжение рассказа Хью Ламберта

Приходилось неохотно признать, что лечение Эдит Норн очень эффективно, потому что никаких дурных последствий от приключения у меня не было. Я снова погрузился в работу, и многочисленные дела не давали мне времени на болезненные размышления. Но не оставалось времени на Энн, кроме вечера. Мы почти все время проводили в зале для отдыха. Эдит, по-видимому, поговорила с нашей гостьей, потому что Энн настаивала на том, чтобы мы оставались в доме, хотя я все время предлагал пройтись к озеру в лунном свете. Рыжеволосая приставала, утром и вечером измеряла мою температуру, подняла шум, когда я в облачный день забыл прихватить свитер, и вообще вела себя, как курица с одним цыпленком. Я обнаружил, что мечтаю о нескольких случаях легкого гриппа или другой болезни у мальчиков, чтобы она перестала лечить меня, но мальчики оставались на удивление здоровы.

Энн славная. В течение дня она не путалась у меня под ногами и даже сняла у меня с плеч одну обузу – стала театральным советником. Чтобы Ванука отличалась от других, более дешевых лагерей, я не стал, как обычно, организовывать жизнь индейского племени; мы были первобытными людьми. Различные возрастные группы назывались кланами, офис – пещера короля и так далее. Очень по-детски, но мальчики довольны. На последний субботний вечер я придумал Танец Племенного Совета; подробности частью из памяти, частью из воображения. Мой советник по искусству построил большой обтянутый кожей барабан, советник по природе скроил костюмы из нескольких шкур, которые я купил, и все были заняты тем или иным.

Полагалось репетировать грандиозный финал, и дети за это ухватились. Свободного времени им было недостаточно; они просили позволить им заниматься этим между ужином и сном, и я согласился,

Это означало, что у меня только час наедине с нею, и этого было недостаточно. Между нами что-то происходило. Не знаю, виной ли моя вспыльчивость или что-то другое. Мы молча сидели в темном зале, и я вставал, подходил к окну и смотрел на озеро.

Когда я так делал, она включала фонограф. Вначале это был какой-то буйный джаз, и я повернулся и рявкнул, чтобы она это убрала. И это странно, потому что джаз мне обычно нравится.

– Чего же ты хочешь? – спросила она. – Вагнера?

– Давай, – ответил я, стыдясь своего поведения, но как-то извращенно продолжая: – Хуже, чем этот рев, быть не может. В углу есть записи Вагнера.

Я видел сверкающий диск на поверхности озера. Теперь он был близок к берегу. Будь прокляты эти женщины, подумал я. Если бы не они, я мог бы отправиться туда и выяснить, что это за свет выходит из воды.

И тут я услышал за собой «Полет валькирии». Первые же звучные ноты захватили меня, и меня понесло, как в диком потоке ручья. Впервые я оценил ширину, и глубину, и быструю порывистость этой музыки. Когда кончилось, я потребовал еще.

После этого в зале для отдыха после наступления часа сна не было никакого джаза, только Вагнер. Вся его музыка меня успокаивала, но я чаще всего просил «Песнь рейнских девушек» – сирены поют под водой о сокровище, которое они охраняют, о тайнах голубых глубин. Когда я это слушал, биение пульса спадало и переставала болеть голова.

Запись заканчивалась. Энн говорила:

– На сегодня достаточно. Уже десять часов, и Эдит говорит, что тебе пора отдыхать.

* * *

Отдыхать. Для меня не было отдыха. Я не спал. Я не говорил об этом Эдит, иначе у нее был бы приступ истерики, но меня это тревожило. Я поднимался на холм, где за офисом моя комната, такой уставший, что спотыкался на ходу; раздевался и ложился в постель; и лежал без сна, думая, не схожу ли я с ума.

У меня было достаточно причин, чтобы так думать. Я видел странное. Вначале это были всего лишь тени в ночь на понедельник. Но по мере того как проходила неделя, они становились все отчетливей, выглядывали из-за дерева, прятались за камнем. Я видел маленького человека не больше фута ростом!

Я видел этих людей только по ночам и только бегло, и я ничего не знал о них, только то, что они невероятно маленькие. Но я и не должен многое знать о них. Я вообще не должен их видеть. Они не могут быть реальны. Они существуют только в моем сознании.

Я не смел ни с кем говорить о них. Не смел проверять, видит ли их еще кто-нибудь. Я знал, каким будет ответ, и знал, что он будет означать.

И еще была тяга озера, особенно чарующая в долгие ночные часы. Она рвала меня, тащила к себе. Конечно, это часть моего безумия. Часть того, что вообще случилось со мной.

Говорю вам, я радовался, когда наступало утро и огромное количество дел помогало мне забыть о ночи. Я приветствовал любую переданную мне бумагу, любой вопрос, который задавали мне воспитатели, каждую тысячу и одну проблему, которые мне приходилось решать. Это была трудная работа; в обычных условиях я ненавидел бы ее каждым атомом своего существа, но это помогало мне не думать. Я ненавидел гладкий ход вещей. Я бы предпочел, чтобы железная дорога телеграфировала, что нет вагонов, чтобы доставить нас в город, или что невозможно добыть грузовики для перевозки багажа. Это дало бы мне повод уйти из лагеря.

Этого я хотел больше всего. Я считал – достаточно разумно, – что как только уйду из лагеря, вернусь к норме. Как только уйду от озера.

Но ничего такого не происходило. Впрочем, был один достаточно тревожный инцидент. Утром в субботу ко мне пришел Эд Хард и сказал, что Джим Саймс, наш ночной охранник, видел во время ночного патруля оборванного человека, который бродил в лесу за лагерем. Джим окликнул его, но тот убежал.

В лагере Ванука нет ничего, что стоило бы красть, за исключением того, что заперто у меня в сейфе, но, когда отвечаешь за благополучие мальчиков, которым предстоит стать миллиардерами, такой отчет пропускать нельзя. Я попросил Эда передать, чтобы все воспитатели

постоянно держали детей в поле видимости, и еще чтобы все по сменам патрулировали границы лагеря не только ночью, но и днем.

В этот день у нас были соревнования по плаванию и регата на каноэ. Мне пришлось спускаться, чтобы вручать призы, хотя с понедельника я сторонился плотов. Но я был рад. День веселый, солнце яркое, как в середине лета, и в озере нет ничего зловещего. Эдит, свежая в новом белом халате, перестала приставать ко мне, а Энн охрипла от радостных криков, особенно когда Дик выиграл и соревнование спасателей, и регату на каноэ.

Дик был горд, а Энн довольна и весела.

После этого был пятнадцатиминутный перерыв, и я воспользовался возможностью пройти к концу озера с Бобом Фальком, который должен был сменить на дежурстве Хена Корбина. Несмотря на праздник, патрулирование продолжалось. Когда мы подошли, Хен выглядел взволнованным. Когда мы подходили к нему на берегу, он наклонился и что-то поднял.

– Посмотрите, мистер Ламберт! – воскликнул он, когда мы подошли. – Посмотрите на это.

И он показал мне руку. На его ладони что-то лежало, маленькое животное в коричневой шерсти, не больше двух дюймов в длину. Насколько я мог судить по вздымающимся бокам, оно живое, но его лапы связаны шнурком.

– Что это? – спросил я, видя едва скрываемое волнение Хена. – Полевая мышь?

– Нет, сэр. Это ондатра.

– Ондатра? Может, вы и советник по природе, но на этот раз вы ошибаетесь. Ондатра, даже новорожденная, не бывает такой маленькой, а это, кем бы оно ни было, взрослое.

– Это ондатра, – настаивал он. – Больше того, я видел, как она стала маленькой, хотя я сам этому не верю. Я был здесь в кустах, услышал, как она плеснула в воде, и стал смотреть. Она была нормального размера и плыла к берегу. И как раз, когда я ее увидел, она попала на это скользкое место и стала маленькой – совершенно неожиданно. Я поймал ее, когда она выбиралась на берег, и связал.

– Ерунда, – сказал я. – Ондатра, которую вы видели, нырнула, а в то же время показался этот малыш. – Но я посмотрел на «скользкое место», как он его назвал, и у меня пересохло в горле. Расположенное по касательной к берегу, оно круглое, и я знал, что ночью оно будет светиться своеобразным фиолетовым светом. – Идемте к плотам и забудьте об этом.

Может, он и забудет, а я – нет.

* * *

К тому времени как регата кончилась, было уже темно. Я поднимался на холм между Эдит и Энн, пытаюсь понять, о чем они говорят. Неожиданно с северного конца территории лагеря послышались два резких свистка. На нашем коде это означает неприятности. Я пробормотал какое-то извинение и пошел. Сбоку подошел Эд Хард. Мы шли быстрой походкой, пока не скрылись от детей за кустами, потом побежали.

Боб Фальк держал худого мужчину в синих джинсах.

– Этот парень бродил здесь по лесу, мистер Ламберт», – сказал советник. – Я его поймал.

– Отличная работа, – отдуваясь, сказал я. Потом спросил у пленника: – Что вы здесь делаете? Не видите эти надписи? Это закрытая территория.

– Да, – сказал он. Он не сопротивлялся. Стоял неподвижно со связанными сзади рук и смотрел в землю. – Я знаю, что она закрытая, но вам не удастся помешать нам, фермерам, собирать здесь ягоды и рыбачить.

– У вас нет ни ведра, ни удочки, так что вы не собирали ягоды и не рыбачили, и я сомневаюсь в том, что вы фермер.

– Я фермерствовал на Уолли Роуд, когда у вас еще молоко на губах не обсохло. Можете спросить любого, кто такой Джереми Фентон.

Я с трудом понимал его. Он говорил путано, и в его голосе слышалось – боль? Отчаяние? Но там, где когда-то была Уолли Роуд, теперь проходит номерное шоссе. На него выходит дорога с лагеря. Теперь только старые жители могут знать ее прежнее название. Я смягчил тон.

– Хорошо, – сказал я. – Значит, вы фермер. А что вы здесь делаете?

Его плечи повисли, как у упрямого мула, но он продолжал молчать.

– Давайте, – сказал я. – Выкладывайте.

Фентон поднял руку. На его лице под обветренной кожей дергались мелкие мышцы, и в его глазах была истерия. Его мрачное вызывающее лицо казалось знакомым.

– Дьявольщина! – сказал за мной Эд Хард. – С этим парнем можно сделать только одно. Передать его копам.

– Верно, мистер Ламберт – согласился Боб. – Они заставят его говорить.

– Нет! – закричал фермер и вырвался из рук Фалька. Его длинная фигура полетела от нас вверх по холму. Боб повернулся, чтобы бежать за ним; Эд пробежал мимо меня. И потом оба остановились. Фентон схватил с земли камень размером с кулак и пригнулся, как загнанный зверь; он оскалился и рычал, показывая бесцветные зубы; его ноздри раздулись.

– Оставьте его, ребята», – сказал я. – Вам не нужны разбитые черепа. – Но я думал, почему он остановился. Между ним и дорогой никого нет, неожиданный прыжок унес его далеко от нас, и мы не смогли бы его догнать. – Уходите, Фентон. Убирайтесь и держитесь подальше от лагеря.

Фермер словно не слышал меня. Он не смотрел на меня. Не смотрел на Эда и Боба. Он смотрел мимо нас, на озеро.

Неожиданно он пробежал в узкий проход между советниками и устремился к озеру, прямо к застывшей воде! Я вдруг понял, что он собирается броситься в бездонные глубины озера Ванука. Мои мышцы взорвались. Я побежал. И успел схватить его за плечо.

– Дурак!

Он отвел назад руку, камень оставался в его огрубевших пальцах. Я ударил его ладонью по щеке.

Камень выпал у него из руки. Я почувствовал, как дрожь пробежала по телу фермера, увидел, что в его глаза возвращается разум. Его рот дернулся.

– Оно почти забрало меня. Желание. Почти утянуло меня в озеро. Я не мог больше это выдерживать.

Неожиданно мои ладони стали влажными, пульс загремел в висках.

Подошел Эд.

– Он хотел ударить вас.

Эд схватил одну руку Фентона, Боб другую.

– Да, это работа полиции.

– Нет, – очень спокойно сказал я. – Отпустите его, Боб. Отпустите, Эд. Пожалуйста, возьмите в гараже мою машину и отведите ее сюда за деревьями, чтобы в лагере ее не видели. Я отвезу мистера Фентона домой.

Хард как-то странно посмотрел на меня, но опустил руку.

– Хорошо, – сказал он. – Скажу Джиму, чтобы присматривал за лагерем, пока я не вернусь.

– В этом нет необходимости», – сказал я. – Я поеду один.

Он начал возражать.

– Я сказал: я поеду один.

* * *

Может, я болен. Может, я спятил. Но я все еще могу рывкнуть, как сержант, отчего солдаты вскакивают и вытягиваются. Эд пошел, не сказав ни слова.

– Вы никому не скажете о том, что здесь произошло», – сказал я Бобу Фальку и стал подниматься через лес к дороге. Фентон пошел со мной, он был спокоен, послушен, вся ярость его покинула.

Вот еще один человек, которого зовет озеро, подумал я. Он сражался с этим загадочным призывом, пока больше не мог сопротивляться. Я должен с ним поговорить. Должен расспросить его – наедине.

Но по дороге к его дому я ничего не смог извлечь из Джереми Фентона, кроме того, что это «желание» пришло к нему совсем недавно, в тот день, когда заболел Эд Дженкс, и с того дня становилось «все хуже и хуже». Я намекнул на маленьких людей – безрезультатно, но мои усилия в этом направлении побудили фермера рассказать странную историю.

Возможно, я придаю случаю, о котором он мне рассказал, и его интерпретации этого случая слишком большое значение. Если это так, то благодаря еретической теории, которой я придерживаюсь: развитие цивилизации и науки закрыло от человечества не меньше, чем открыло. Разве невозможно, что те, кто живет близко к земле, кто работает с природой и общается с ней, знают вечные истины, которые мы разучились понимать? Однажды в холмах Гаити...

Но я отвлекаюсь. Вот какую историю, спотыкаясь, ощупью, рассказал мне Фентон.

Он холостяк и живет один в старом разбросанном фермерском доме, к которому я его подвез, живет так с тех пор, как его брат Илайджа, тоже неженатый, утонул прошлой зимой в озере Ванука. Джереми рассказал, что они с братом, как всегда по вечерам, играли в шахматы, когда у ворот остановились сани веселой компании, направлявшейся к трагедии, и их пригласили участвовать.

– Я играл черными, – рассказывал Фентон, – и у меня остался только король на f2. Король Илайджи стоял на c4, его ферзь на d8, его слон на c5, и был ход белых. Я видел, что проиграл.

– Через шесть, максимум десять ходов ты поставишь мне мат. Я сдаюсь.

– Совсем не шесть ходов», – сказал Илайджа. – Я поставлю тебе мат в два хода.

Ну, я подумал, что он несет вздор, и сказал ему: «Попробуй». Он подумал с минуту, положив свою трубку на край стола, и протянул руку к своему ферзю. И тут вбежал Джетро Паркер и пригласил нас присоединиться к веселью.

Илайджа так и не сделал свой ход. «Закончим, когда вернемся», – сказал он. Джетро так торопил, что Илайджа даже оставил свою трубку. Ну, он так и не вернулся, чтобы закончить игру и докурить трубку. Лед на озере подломился, и...

– Да – вмешался я. – Я знаю, что случилось.

– Я оставил доску, как она была, фигуры и трубка. Убрать их все равно что... набросить тень на мои воспоминания о нем.

– Понимаю, – сказал я, думая, к чему это все приведет.

– Это было вечером неделю назад. Я поужинал и вышел во двор, чтобы набрать ведро воды и вымыть посуду. Меня не было пять, может, десять минут. Когда я вернулся, в кухне пахло табаком. Я никогда не курю, пока не вымою посуду. Я посмотрел на столик, на котором лежала шахматная доска, почти ожидая, что Илайджа ждет меня, чтобы закончить партию.

Конечно, тут никого не было. Но я сразу увидел, что одна из фигур передвинулась. Белый ферзь перешел на f5.

Я достаточно разбираюсь в шахматах, чтобы понять, что это значит.

– Черный король должен отступить, и не следующем ходу белый ферзь ставит ему мат. Умно!

– Еще как умно! Но кто передвинул белого ферзя? В кухне никого не было.

– Вы сами это сделали, не думая. Вы размышляли над проблемой и сделали это машинально.

– Может быть, – медленно сказал Фентон. – Но я видел следы в пыли, говорящие, что трубку Илайджи передвинули, и, когда я ее коснулся, она была горячая. Я ее не раскуривал, и ни один бродяга не тронет эту старую трубку из кукурузного початка. Да поблизости и нет никого, кто мог бы сделать такой ход. Нет, я подумал, что Илайджа, не погребенный в освященной земле, не может успокоиться, и его желание увидеть меня привело его сюда, как желание увидеть его тянет меня в озеро Ванука. Мы ведь были как две горошины, так близки...

Остальное я не слышал. Даже не слушал. Упоминание Фентона о бродяге позволило мне разгадать причину сходства, которое так меня тревожило. Он был похож на бродягу, которого я сбил машиной.

Есть ли связь между ранами тем вечером и тем, что происходит со мной с тех пор? Док Стоун отвечал на мои вопросы уклончиво. Эдит должна знать. Я высадил Фентона в ярде от его ворот, развернул машину и как можно быстрее поехал назад в лагерь.

Один из мальчиков сообщил, что Эдит в изоляторе. Я пошел туда, увидел, что она разбирает лекарства на полке, схватил за руку и повернул ко мне.

– Что сделал со мной тот несчастный случай, кроме того, что повредил ногу и руку? – спросил я. – Что вы с Кортотом утаиваете от меня? Я ударился головой?

Ее глаза стали расширились, лицо посерело.

– Вы делаете мне больно, Хью.

– Хорошо, я делаю вам больно, – прорычал я, но слегка разжал руку. Рассказывайте. Быстрее. Расскажите мне, что случилось. Я должен знать. Понимаете? Должен.

И она рассказала – о переливании крови и об исчезновении бродяги. Это не имело смысла. Но все остальное с тех пор тоже не имело смысла. Я был в такой же темноте, как и раньше.

* * *

Вся остальная часть дня, ужин и вечер прошли как в тумане. Но потом я собрался, потому что начинался Совет Племена, а я не хотел, чтобы большая ночь мальчиков была сорвана. Соревнования и игры прошли гладко. Наступил момент, когда я поднялся на платформу, воздвигнутую недалеко от берега и задрапированную так, чтобы напоминать большой камень. Это Скала Шамана, а я шаман, знахарь, который будет бить в барабан танца.

Мальчики, с раскрашенными лицами, со шкурами на плечах, заняли места подо мной. В дрожащем красном свете большого костра они действительно казались первобытными людьми.

Я поднял обитую барабанную палочку и начал отбивать ритм. Начался шаркающий танец. Энн репетировала его. Окружающие горы подхватили гулкие удары барабана и усилили его, так что вся чаша вокруг озера Ванука заполнилась размеренным грохотом.

Этот грохот отзывался во мне, в моей крови. Моя кровь билась в ритм с ним, и этот древний ритм становился все быстрее и быстрее. Это был гулкий, лихорадочный пульс мира, систола и диастола горячего сердца мира. И этот ритм не был тем, что я репетировал. Танец, прыгающее свирепое взаимодействие первобытных, одетых в шкуры дикарей подо мной было не тем танцем, которому их учили. Что-то говорило с нами, что-то более древнее, чем сама древность, говорило о конце лета, о смерти, от которой на этот раз, на этот раз, на этот раз деревья, под которыми мы прячемся, трава, которой мы питаемся, больше не оживут.

И не я бил в этот барабан. Что-то во мне, какая-то древняя память отбивала ритм, который эти горы не слышали уже неисчислимые столетия. Страх отбивал этот ритм, страх перед гигантскими зверями, которые бродят по лесу, перед летающими тварями, которые затмевают

небо и обрушиваются на нас, чтобы пожрать. Но прежде всего страх перед маленькими людьми: они вызывают у нас ужас, потому что мы не можем понять, в чем этот ужас заключается.

Они здесь, эти маленькие люди, они выходят из озера, собираются вокруг, по обе стороны от освещенного костром места. Танцующие члены моего племени их не видят, а я вижу. Я шаман, я знахарь, которому ночь шепчет свои тайны. Но скоро они все увидят, все познают ужас, который приносят маленькие люди, если я не прогоню их, прогоню яростными ударами бум бум бум своего барабана.

Они отступают – шаг за шагом, дюйм за дюймом. Они уходят в озеро, не в силах противостоять моей силе, силе яростного барабана. Только один остается, их вождь, с ястребиным лицом, с глазами стервятника. Он стоит сразу за кругом света. Но его я тоже отгоняю – силой моих рук и моего первобытного барабана.

Нет! Не я отгоняю его. Он почувствовал, что один из нас ушел от защитной силы моего барабана и от костра в ночь. И он бросается за ней. . .

Я услышал крик, почти заглушенный грохотом барабана. Крик Энн!

– Прими это, Эд! – крикнул я, подумав в этот момент, когда пришел в себя от странного призыва, что мальчиков нельзя тревожить.

Потом я спрыгнул с платформы и побежал вверх по холму.

Позже я понял, что только я слышал крик, потому что был выше всех и холм не закрывал от меня крик. Но сейчас я не удивился, почему никто не побежал за мной спасать Энн. Я знал только, что она звала меня и что я иду к ней.

Я увидел фигуры перед пустым залом для отдыха; двое мужчин, один держит Энн за руку, другой стоит, вытянув вперед голову и сжимая кулаки. Я закричал, прыгнул, и мой полет закончился тем, что я ударил кулаком по жесткой челюсти. Человек с грохотом упал на влажную землю, а я повернулся к другому.

– Хью! – закричала Энн. – Хью, все в порядке! Я в порядке! Перестань, Хью! Не бей его!

– Вовсе не все в порядке, леди! – проворчал лежавший на земле. – Он сломал мне челюсть.

Энн схватила меня за руки, полусмеясь, полуплача.

– Что это? – отдуваясь, спросил я. – Что здесь происходит?

– Они из компании, – ответила она. – Из «Уорлд Пикчурз». Человек, которого ты ударил, частный детектив. Это он нашел меня здесь. А это Фрэнк Дженнингс, вице-президент, возглавляющий восточный офис.

– Но ты закричала. . .

– Да. Ирвин Болл, который патрулирует сегодня вечером, пришел снизу и сказал, что меня ждут у ворот. Они прошли в лагерь и неожиданно появились из-за этого дома, поэтому я закричала. Но потому, что меня захватил твой барабанный бой, и я удивилась.

– Послушайте, мисс Доринг, – вмешался Дженнингс. – У нас нет времени на разговоры. Если выедем немедленно, успеем на первый утренний рейс из Ньюарка.

– Я не поеду, – ответила Энн. – Я остаюсь здесь.

– Вы понимаете, что ожидание обходится компании десять тысяч в сутки?

– «Уорлд Пикчурз» может себе это позволить. Я достаточно заработала для компании.

– Хорошо. Но как насчет пятидесяти или ста тысяч, уже затраченных на съемки, если вы откажетесь? Как насчет других актеров и технического персонала?

Выражение Энн из упрямого стало задумчивым.

Она посмотрела на меня.

– Что мне делать, Хью?

Я не хотел, чтобы она уходила. Боже, как я хотел, чтобы она осталась! Только на ней держался мой здравый рассудок, только с ней я находил немного мира. Если она сейчас уйдет. . .

– Это твоя работа, Энн, – тихо сказал я. – Ты должна идти.

Она поморщилась, и огонь в ее глазах погас.

– Хорошо. Я пойду. – Она протянула ко мне руки. – Но ты придешь ко мне, Хью. Ты придешь, как только сможешь.

– Как только смогу, – пообещал я.

Но я знал, что это будет нескоро. У меня тоже есть работа. Она уведет меня на полмира и будет удерживать по крайней мере два года. Я знал, что будет ужасно тоскливо.

Глава II

Продолжение рассказа Хью Ламберта

После этого время сливается. Все, что я делал, становится неопределенным, хотя, должно быть, я делал все правильно, потому что никаких жалоб не было. Я вспоминаю в эти дни только картины суетливого лагеря, и всегда рядом со мной Эдит Норн, она смотрит на меня, всегда смотрит на меня, и выражение тревоги в ее глазах усиливается.

Но я слишком отчетливо помню ночи. Помню, как следит за мной вождь маленьких людей на темных тропах в лесу, подсматривает в окна моей спальни, как я мечусь на кровати без сна. Он больше не прячется. У меня прекрасная возможность наблюдать за его лицом стервятника, словно вырезанным из большого куска какой-то темной древесины. Я знаю, как выглядит это миниатюрное, в фут длиной, тело, одетое в какую-то плотно облегающую сверкающую ткань, похожую на гибкий металлический шелк.

Теперь я знаю, что вижу его только я. Однажды вечером он стоял прямо передо мной и Эдом Хардом, и Эд его не видел. Я едва не указал на него, но вовремя остановился, вспомнив, что это маленький человек – всего лишь результат моего воображения.

Я должен уйти от него. Должен уйти от лагеря. Когда между мной и озером Ванука будет расстояние, я излечусь. Но я должен остаться. Должен закончить свою работу.

Наконец наступила среда. Чемоданы мальчиков грудой лежали в лагере, ожидая грузовиков. Закончился прощальный банкет – длинный кошмар из речей, песен и приветствий, и я почти убежал в свою комнату за офисом, чтобы собраться. Это последняя ночь, билось у меня в голове, самая последняя. Завтра утром я уеду в Олбани, и озеро Ванука станет прошлым.

У меня дрожали руки, когда я подтащил свой чемодан к стене, открыл шкаф и начал доставать из него аккуратные стопки и укладывать их в чемодан. Теперь, после того как мы закончим подводить итоги лагеря, я смогу поговорить с Тони Вагнером о новой экспедиции в Месопотамию.

Но что это? Я возле шкафа, но я ничего не достаю из него. Напротив, я что-то в него укладываю. Укладываю свои брюки хаки на полку, где их место. Но ведь эти брюки я прежде всего положил в чемодан! Чемодан – я повернулся к нему – пуст!

Я сначала заполнил его, а потом опустошил! Я не уеду завтра. Озеро меня не отпустит.

Я был одержим озером. И знал, как от этого избавиться. Неожиданно я понял, как излечиться. Я сторонился его, сторонился мыслей о нем. Это было ошибкой. Если я спущусь к нему, остановлюсь на самом берегу и посмотрю прямо в этот жуткий свет, сражусь с этим адским притяжением и преодолею его, я сразу и навсегда освобожусь.

Я повернулся, вышел из офиса и пошел через лес к северному концу озера Ванука. Кто-то заговорил со мной. Боб Фальк, он снова патрулирует. Я почти весело ответил ему, что иду попрощаться с озером. Потом миновал его и вышел на берег, посмотрел на светящийся круг, который был теперь у самого берега.

– Я здесь», – сказал я. – Делай, что хочешь.

Что-то прыгнуло на меня. Прямо из воды прыгнуло и окутало ослепляющим фиолетовым свечением!

Показания Роберта Фалька, аспиранта инженерного факультета

Колумбийского университета

Штат Нью-Йорк

Округ Нью-Йорк

Город Нью-Йорк

Роберт Фальк, приведенный к присяге, показал следующее:

29 августа 1934 года я работал старшим воспитателем лагеря Ванука для мальчиков и находился в ночном патруле. Примерно в двенадцать пятнадцать я видел мистера Хью Ламберта, директора лагеря, и разговаривал с ним. Он спускался по холму к озеру и сказал что-то странное о прощании с ним.

Мой маршрут проходил вдоль северной границы территории лагеря. Поскольку говорили о бродягах, слоняющихся возле лагеря, я был бдителен. Деревья здесь растут редко, ярко светила луна, и я уверен, что увидел бы мистера Ламберта, если бы он возвращался.

Примерно через полчаса я спустился на берег, чтобы поговорить с ним. Его там не было.

В густой высокой траве, которая подходит к самой воде, я нашел его одежду. Одежда не была снята обычным путем. Это было невозможно. Потому что все было вывернуто наизнанку, как было одето, и все пуговицы, все пряжки были застегнуты.

Я подписываю свои показания 10 декабря 1936 года.

(подписано) Роберт Фальк

Продолжение рассказа Хью Ламберта

Фиолетовое свечение почти сразу исчезло, и я оказался в полной темноте, борясь с грубой тканью, брошенной на меня. Моя голова нашла отверстие в этой ткани. Я выбрался из покрывала и встал на ноги.

Ноги болели от соприкосновения с большими камнями. Я был там, где никогда раньше не был. Я был в лесу. Скорее в джунглях, но ни один человек не видел такие джунгли. От крупных частиц почвы поднимались стебли, разные по высоте, от моего роста до пятидесяти футов. Это были не древесные стволы, но большие жилистые оболочки из растительного волокна. Более короткие расплющивались кверху, а потом сужались до острого конца. От более высоких ближе к концу отходили стебли.

Некоторые из этих стеблей ветвились, другие превращались в палки, похожие на дубинки длиной с рослого человека. Листьев не было, но были плоды, какие могут расти на какой-нибудь далекой планете, но никогда на земле.

Одни в форме слезы, покрытые короткими волосами и с острием, выходящим из узкого конца. Другие – продолговатые чаши, покрытые белыми волдырями и жесткими волосами. Третьи...

Нет смысла описывать их все. Достаточно сказать, что этот кошмар залит кошмарным фиолетовым свечением. Достаточно, чтобы я дрожал не только от столкновения с этими безумными декорациями, но с холодом, который, как лед, касался моей кожи.

Моей кожи! Я совершенно обнажен! Никакой одежды, нет даже бинтов на руке и ноге, ничто не закрывает меня.

Я воспринимал все это: невероятные джунгли, мою обнаженность – не по порядку, а единым, как молотом, ударом по сознанию. Но тут краем глаза я уловил движение слева и повернулся. Я пригнулся, стиснув зубы, и с инстинктом, заложенным в костях человека и заставляющим искать оружие, схватил камень.

В пяти шагах от меня лежала змея, пяти дюймов толщиной и длиной в рослого человека. Ее тупая безглазая голова была чуть приподнята, как будто змея обнаружила меня только по запаху и теперь медленно соображает, то ли забыть обо мне, как о недостойном внимания, либо наброситься на меня.

Опыт научил меня, что дикие животные, млекопитающие или рептилии, редко нападают на неподвижные существа, если не охотятся за пищей. Я заставил свои мышцы застыть – впрочем, они и так были напряжены – и, затаив дыхание, ждал решения чудовища.

Если оно набросится на меня, я брошу камень и отскочу в сторону. Да. Но это в лучшем случае будет один шанс на тысячу. У меня были основания знать, что большая змея неуязвима ни перед чем, кроме выстрела из слоновьего ружья; я знал также, что змея способна двигаться со скоростью молнии.

Я ждал... Волоски на шее поднялись от чьего-то злобного взгляда, от угрозы, по сравнению с которой змея ничтожна.

Какое-то шестое чувство заставило меня посмотреть вверх. Надо мной в воздухе, по-видимому, без всякой поддержки висела тварь, в гигантском теле которой были все ужасы, на какие способно воображение человека.

Тело диаметром в два фута круглое и покрыто фиолетовой шерстью. У него восемь ног с двумя суставами, длинней отвратительного торса, с которого свисают. Но вершина ужаса – его голова, из которой выступают острые клыки; из громадных глаз глядят черные огни ада.

* * *

В тот момент, когда я его заметил, чудовище собралось и прыгнуло на меня. Мышцы моих ног взорвались и отбросили меня в самое последнее мгновение для защиты; я вылетел из леса и оказался на поляне, покрытой неровными камнями. Волна накатила на камни и обдала меня брызгами.

Чудовище не последовало за мной, и я потерял из виду змею. Я дико осмотрелся.

Только кисть Доре могла бы описать эту сцену. Я был крошечной мошкой в сердце невообразимо огромного пространства, насыщенного фиолетовым свечением; это не был свет, исходящий из одного источника; светилась сама текстура и позволяла видеть окружающее. Передо мной тянулись бескрайние бушующие воды.

За мной джунгли, а за ними поднимался какой-то темный пурпурный барьер. Барьер был с обеих сторон от меня, он изгибался, и я чувствовал, что где-то бесконечно далеко, в мирах от меня, его стороны соединяются.

Барьер уходил вверх миля за милей, лига за неизмеримыми лигами, и мое сознание не могло справиться с такой грандиозностью. Он был так высоко, что небо находилось не над ним, но было скреплено с его бастионами; только это сводчатое небо было черным, и на нем виднелись знакомые яркие звезды созвездий знакомого мира.

Я увидел созвездие Лебеда, а прямо под ним барьер превращался в вершину, и эта вершина была мне знакома. Я много раз смотрел на нее из лагеря Ванука. Каким-то невероятным, совершенно необъяснимым образом этот пейзаж иного мира располагался на том же месте, что и лагерь Ванука!

– Хьюламберт!

Я повернулся, услышав низкий голос, произносящий мое имя как одно слово. И увидел человека, стоящего на берегу, расставив ноги, и глядящего на меня. Непропорциональное тело этого человека укутано в облегающее одеяние из какой-то металлической ткани, блестящей, как шелк. У человека темное худое лицо с ястребиным носом и глазами стервятника. Это лицо из моих снов. И лицо маленького человека, который ночь за ночь преследовал меня в лагере.

Но он был того же роста, что и я!

– Кто... кто ты такой? – тупо спросил я, и пальцы страха сжали мне горло.

– Ванарк, – ответил низкий голос. Он горизонтально протянул перед собой левую руку, расставив пальцы, так что я смог увидеть перепонку между ними, и сказал то, что мне еще много раз придется услышать: – Гор Сура.

Странно, но я, словно не по своей воле, тоже протянул руку и ответил:

– Гор Сура.

Ответил машинально. Мой мозг не участвовал в произнесении этих слов. Он был ошеломлен неожиданным открытием.

Маленький человек не стал ростом с меня. Это я стал маленький, как он. Каким-то невероятным волшебством я уменьшился до двенадцати дюймов. Все сразу встало на свое место. Огромный барьер – это горы, окружающие озеро Ванука. Гигантские джунгли – высокая трава на берегу озера. Змея – земляной червь, а чудовище, которого я едва избежал, – паук. А это безграничное ревущее море – само озеро.

– Идем, Хьюламберт», – сказал Ванарк, опуская руку. – Надевай это, и идем.

Я машинально взял у него темный сверток, так же машинально, как ответил на необычное приветствие, повиновался его приказу. Это был какой-то внутренний приказ, но более сильный, снова призыв озера, которому я противился так долго и так безуспешно. В этот момент у меня не было своей воли. Только какая-то чужая внешняя воля, в ответ на которую я двигался.

Как только я взял сверток, он развернулся, и я увидел, что это такое же одеяние, как у него. Я оделся, вставив ноги в отверстие для шеи; каким-то образом я знал, что так нужно надевать этот костюм. Материал покалывал, как живой, и костюм, словно разумный, плотно охватил мое тело.

Надев костюм, я встал и, подражая Варнаку, натянул на голову капюшон, прикрепленный у меня за шеей. Капюшон полностью охватил голову и слился с окружением шеи; соединение получилось без малейшего шва.

Затем, повинаясь той странной силе, которая подавила мою волю, я вслед за Ванарком пошел в море.

Я мог видеть сквозь ткань и дышать через нее. Мог дышать, даже когда волна полностью покрыла меня. Казалось, ткань костюма способна, как рыбы жабры, извлекать кислород из воды!

Вторая волна сбила меня с ног. Я поплыл – но перестал двигать руками, увидев, что Ванарк неподвижно лежит на поверхности. Неподвижно – относительно его конечностей. На самом деле он скользил в воде, не делая никаких усилий.

Я держался за ним, понимая, что меня тянет какая-то сила, которую я могу почувствовать только по ее действиям. А она тянула меня все быстрее и быстрее.

Я находился под поверхностью! Я опускался прямо в неизмеримые глубины озера Ванука. Не тонул. Просто все быстрее погружался, а передо мной и подо мной была все время смутная укороченная фигура Ванарка.

В Южных морях я нырял за жемчугом до глубины в двадцать фатомов [*Фатом – морская сажень, 6 футов или 1,89 метра. – Прим. пер.*]: это самая большая глубина, доступная незащищенному человеку. Но это было не ныряние, а стремительное падение в водную пропасть, неизмеримую и страшную.

* * *

Грандиозный спуск продолжался бесконечно. Я сознавал, что опускаюсь с такой скоростью, что нельзя сказать, что я тону; я опускаюсь прямо на дно глубокой подводной долины в милях от поверхности. В необычном фиолетовом свечении, пронизывающем эти адские глубины, куда никогда не доходит луч солнца, я видел под собой неясную фигуру Ванарка, всегда подо мной. Я даже сознавал, что расстояние между мной и всем, что мне знакомо, непрерывно увеличивается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.